

Отечественная массовая литература как альтернативный учебник

Черняк Мария Александровна,
профессор кафедры новейшей русской литературы,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И.Герцена. Санкт-Петербург.

Ключевые слова: массовая литература, читательская компетенция, жанровые ожидания читателя, рецепция, коммуникативная неудача.

В конце XX века произошла очевидная маргинализация и коммерциализация отдельных слоев культуры; литература стала превращаться в один из каналов массовой коммуникации, что ярко проявляется в современной литературной практике. Эпоха релятивизма предполагает множество равноправных подходов к действительности. В связи с этим обращение к проблемам массовой литературы становится особенно актуальным и необходимым.

Сегодня очевидно, что внимание к произведениям «второго ряда» не только расширяет культурный горизонт, но радикально меняет оптику, ведь разнообразие массовой культуры – это разнообразие типов социальности. Проблема массовой литературы включается в широкий контекст социологии культуры, и социологии литературы в частности. Социологические опросы, посвященные изучению структуры чтения последних лет, свидетельствуют о том, что картина мира, представляемая массовой литературой, соответствует потребностям представителей новых субкультур. Изменение статуса литературы в обществе неизбежно влечет за собой изменение авторской и читательской стратегий. Художественные поиски рубежа веков осуществляются в широком текстовом диапазоне – от элитарной до массовой литературы. В них воплотились различные авторские интенции, они ориентированы на различных потенциальных читателей. Однако при всем разнообразии создаваемых современными авторами текстов в них своеобразно преломляются чрезвычайно активные социокультурные процессы, отразившие кардинальные перемены конца XX – начала XXI вв. Массовая культура занимает промежуточное положение между обыденной культурой, осваиваемой человеком в процессе его социализации, и специализированной, элитарной культурой, освоение которой требует определенного эстетического вкуса и образовательного уровня, она выполняет функцию транслятора культурных символов от специализированной культуры к обыденному сознанию, упрощения и стандартизации передаваемой информации.

Образованностью, компетентностью, вкусами и ожиданиями читателей во многом определяются судьбы литературных произведений и степень популярности их авторов. Конец XX века ознаменовался снижением интереса к печатному слову, изменением характера чтения: оно стало более индивидуальным, прагматичным, информационным, поверхностным, значительно изменилась доля чтения в структуре свободного времени; произошло явное вытеснение литературы на пространственную и культурную периферию. Социолог литературы А.Рейтблат в книге «Как Пушкин вышел в

гении: историко-социологические очерки» на широком культурном материале продемонстрировал, какую роль играло чтение вслух, «медленное чтение» в пушкинскую эпоху¹. Узнаваемой же приметой сегодняшнего дня стали курсы «быстрого чтения», приучающие к диагональному чтению на бегу.

В середине XX века стали говорить о *функциональной неграмотности* как о тяжелой болезни современного общества. «Большинство людей читать не умеет, большинство даже не знает толком, зачем читает. Одни полагают чтение по большей части трудоемким, но неизбежным путем к «образованности», и при всей своей начитанности эти люди в лучшем случае станут «образованной» публикой. Другие считают чтение легким удовольствием, способом убить время, в сущности, им безразлично, что читать, лишь бы скучно не было»², – такой диагноз читателю XX века ставил Г.Гессе. В России социологи, публицисты, учителя констатируют падение уровня читательской компетентности, которая, несомненно, является одним из показателей качества образования. Симптоматично, что многие подростки, участвующие в социологических опросах и подвергающиеся различным видам тестирования, считают, что вслед за романами Толстого и Достоевского в русскую литературу сразу же пришли детективы Марининой, Акунина и др.

Принцип получения удовольствия становится смыслообразующим мотивом поведения человека, ставшего потребителем. Предпочтение мира внешних впечатлений миру внутренних переживаний и размышлений требует и от искусства лишь удовольствия, разрядки, компенсации. В связи с этим можно утверждать, что процесс получения удовольствия от процесса чтения связан сегодня в большей степени с текстами именно массовой литературы, поскольку литература высокая, элитарная требует от современного читателя не только труда, внимания и активной мыслительной работы, но и читательской компетенции, столь необходимой при разгадывании интертекстуальных игр писателей.

Современному читателю требуется некое средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на него информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы до примитивных оппозиций («хорошее–плохое», «наши–чужие», «добро–зло», «преступление–наказание» и т.п.), дающее возможность отдохнуть от социальной ответственности и необходимости личного выбора. Социолог литературы Наталья Зоркая в статье «Чтение в контексте массовых коммуникаций» отмечает тенденции усреднения и массовизации литературных предпочтений у читателя конца XX века, понижение уровня его притязаний, ориентацию на упрощение и развлечение. В чтении даже самых образованных и литературно-квалифицированных групп преобладают ориентации на наивно-адаптивный тип культурного поведения и потребления, отказ от анализа современности, склонность к развлечению и эскапизму, усреднению вкусов, ностальгия по «иной», либо прошлой, либо сказочной жизни³.

Массовая литература призвана отвлечь «массового человека» от монотонности повседневности. Постепенно она начинает определять диапазон культурных потребностей «одномерного человека» (Г. Маркузе), который с удовольствием наблюдает за похождениями и подвигами серийных героев романов А.Марининой и Ф.Незнанского, Д.Дашковой и Е.Доценко, Д.Донцовой и Э.Тополя, осознавая при этом, что описываемые преступления никак не нарушают его психологического покоя.

Социолог Б.Дубин, обобщая результаты специального исследования читательского спроса в 2003 году, приходит к выводу, что книги в современной России являются прежде всего инструментом первичной социализации, обучения самым общим навыкам современного бытования. В этом смысле книги – вновь становятся своеобразным «учебником жизни» в принципиально новых социальных условиях.

Большая конкуренция на рынке массовой литературы требует от писателя непосредственного поиска *своего читателя*. Интересен эксперимент автора современных фэнтези М.Фрая. Публикуя в своем «Идеальном романе» только заголовок и конец литературного произведения, автор дает возможность «идеальному читателю» пережить в своем воображении чтение всего гипотетического романа. «Власть литературы над читателем – это и есть власть несбывшегося. Книга – волшебное зеркало, в котором читатель отчаянно ищет собственные мысли, опыт, схожий со своим, жизнь, описанную так, как он это себе представляет»⁴, – полагает Фрай.

В умении соответствовать «горизонту ожидания читателя» – залог успеха и писателя, и издателя. Так, скрывающийся за псевдонимом Б.Акунин известный японист, журналист, литературовед Г.Чхартишвили, стремясь доказать, что детектив может стать качественной и серьезной литературой, приходит к выводу, что за последние годы «самоощущение, мироощущение и времяощущение современного человека существенным образом переменились. Читатель то ли повзрослел, то ли даже несколько состарился. Ему стало менее интересно читать «взаправдашние» сказки про выдуманных героев и выдуманные ситуации, ему хочется чистоты жанра; или говори ему, писатель, то, что хочешь сказать, прямым текстом, или уж подавай полную сказку, откровенную игру со спецэффектами и «наворотами»»⁵.

Возможно, поэтому первый роман Б.Акунина был издан под рубрикой «детектив для разборчивого читателя», а на обложке сказано: «Если вы любите не чтиво, а литературу, если вам неинтересно читать про паханов, киллеров и путан, про войну компроматов и кремлевские разборки, если вы истосковались по добротному, стильному детективу, – тогда Борис Акунин – ваш писатель». Важно отметить, что Б.Акунин находит свою нишу скорее в современной беллетристике, чем в «однодневной» массовой литературе. Являясь литературой «второго ряда», беллетристика в то же время имеет неоспоримые достоинства и принципиально отличается от литературного «низа». Б.Акунин предлагает своим читателям своеобразные интеллектуальные ребусы, он играет с цитатами и историческими аллюзиями, далекими от повседневности. Этим объясняется то, что любимый герой Акунина сыщик Фандорин помещен в XIX век.

В доступности текстов массовой литературы, ее клишированности и сиюминутности кроется очень серьезная опасность: читатель, выбравший для чтения только подобную литературу, обрекает себя на полную потерю диалога с культурой, историей, большой литературой. Не случайно Б.Акунин постоянно повторяет, что мечтает о думающем читателе, а критики называют его книги занимательным литературоведением.

Читательская компетенция основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного. В конце XX века произошло сокращение и разрыв устойчивых коммуникаций сообщества с относительно широкой и заинтересованной читательской публикой, реального лидера среди современных литераторов практически нет. В литературной системе произошли

заметные сдвиги, связанные с понижением социального статуса литературы и трансформацией читательской публики.

Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение классики современным читателем связано во многом с некоей культурной аллергией на школьный курс литературы. Система подмен, подделок и переделок, симулякров, клонов, пересказов и адаптаций, захлестнувшая прозу рубежа XX-XXI вв., свидетельствует об отказе от построения особой литературной реальности. Однако в восприятии авторов массовой литературы статус культурного человека связан со способностью хотя бы поверхностно ориентироваться в мире классической литературы. Поэтому столь часты довольно нарочитые, зачастую случайные, не связанные интертекстуальными маркерами, апелляции к классическому наследию. Показательны примеры из любовного романа А.Берсеновой «Ревнивая печаль»: *«Ты классику нашу читал? – улыбнулась Лера. – «Разве я – другие?» – так говорил один наш очень милый человек по имени Илья Ильич Обломов»,* или *«Его (Мити, музыканта – М.Ч.) одежда всегда оставляла ощущение изящества и благородства и была так же незаметна на нем, как платье на Анне Карениной»; Саня, необразованный бизнесмен, но очень милый и добрый молодой человек, пишет своей возлюбленной письмо, наивное переложение рассуждений о том, что у «Пушкина все просто, все уже без объяснений», заканчивающееся пушкинскими строками: «Я вас люблю, – хоть и бешусь».*

Как известно, интертекстуальность является основополагающим принципом, присущим художественным текстам XX века. Но не всегда автор может быть уверен в том, что реципиент информации в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать сигналы интертекстуальности. Важно отметить, что категория интертекстуальности, свойственная в большей степени литературе постмодернизма, в особом упрощенном виде может быть обнаружена и в текстах массовой литературы, в которой интертекстуальные включения могут быть представлены разными способами.

Принципиально значима точка зрения Л.Гудкова и Б.Дубина: «Литературность, цитатность массовой литературы не меньшая, чем у высокой, но ее роль иная: «литературностью» (любого рода – языка, стилистики, героев, композиции и т.п.) в этом случае удостоверяется онтологичность изображения реальности. Явные литературные присядки играют роль метафизических, онтологических предикатов определений действительности, они – знаки самой «жизни» в ее оформленности и (хотя бы потенциальной) осмысленности (судьба, провидение), указания на подлинность или документальность репрезентации изображения и тематизации значений в тексте»⁶. Маркеры интертекстуальности могут быть подготовлены автором массовой литературы в виде прямого указания на источник в сносках или словах кого-нибудь из персонажей или в эпиграфах, они в какой-то степени помогают «наивному» читателю атрибутировать текст. Типология интертекстуальных элементов и связей в массовой литературе может быть представлена дописыванием текста, различными вариациями на тему предтекста и др.

Эстетический опыт В.Ф.Асмус называл «читательским прошлым»: «Два читателя перед одним и тем же произведением – все равно что два моряка, забрасывающие каждый свой лот в море. Каждый достигнет глубины не дальше своего лота»⁷. Размером «лота» становится читательский опыт. Примеры утраты возможности культурного диалога между героями часто можно

обнаружить в современных текстах. Ср.: *«У Чехова есть рассказ, – сказала она (Ольга, приехавшая из очередной командировки в горячую точку – М.Ч.), не открывая глаз. – Забыла, как называется. Про княжну Марусю, у нее была чахотка. Она умирала и знала об этом. И представляешь, она все время огорчалась не из-за того, что умирает, а из-за того, что весь день так и не напилась чаю. Бахрушин сидел рядом на корточках и рассматривал синеву у нее на висках и у рта. «Цветы запоздалые», – буркнул Бахрушин. Так называется. И это не рассказ, а повесть»* (Т.Устинова. Богиня прайм-тайма).

Авторы массовой литературы, четко улавливая низкий уровень читательской компетенции своего адресата, по-своему наследуют «учительную» миссию русской литературы. Зачастую они просто растолковывают читателю «кто есть кто» в сносках. Ср.: *«Я шагнул в комнату и вновь ощутил приступ дурноты. Узкое, пеналообразное помещение напоминало комнату, в которой жил Раскольников»*. На имя дается сноска – «Родион Раскольников – главный герой романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» (Д.Донцова. Инстинкт Бабы-яги). Отсутствие читательского опыта требует зачастую и «расшифровки» цитат и аллюзий. Ср.: *«Каким качеством более, чем лицевым способностям, Артем был обязан своей головокружительной карьерой? Как там у классика: «Там моську вовремя погладит, тут в пору карточку вотреть?»* Далее дается сноска – «Грибоедов А.С. «Горе от ума» (Е.Гайворонская. Игра с огнем).

В другом романе появляются так называемые исторические сноски, своеобразный образовательный фон для необразованного читателя: *«НКВД — Народный комиссариат внутренних дел. Именно его сотрудники проводили массовые аресты людей в 30-х, 40-х и начале 50-х, ВЧК, ОГПУ, НКВД — аббревиатуры разные, но суть организации сохранялась»; «Прокрустово ложе - В мифах древних греков есть упоминание о разбойнике по имени Прокруст. А у него имела кровать, куда укладывались гости. Если человек оказывался длиннее койки, Прокруст отрубал ему ноги, если короче — вытягивал при помощи колеса»* (Д.Донцова. Скелет из пробирки). Иногда стремление научить читателя носит абсолютно абсурдный характер. Так, героиня Донцовой Евлампия Романова описывает модную певичку: *«Она потрясающе красива, поэтому скачет по сцене в обтягивающих, парчовых мини-шортиках и туго зашнурованном корсете, откуда вываливаются аппетитные перси»*. На слово «перси» дается «обучающая» сноска: *«Перси – грудь. Слово почти ушло из русского языка, но в старину было повсеместно распространено»*. (Д.Донцова. Но-шпа на троих.) Остается не проясненным, зачем же тогда это слово использовалось в тексте.

Д. Донцова часто иронизирует по поводу культурного уровня своих героев, причем чаще это связано именно с уровнем читательской компетенции: *«Если бы Гриша читал Гоголя, он бы мигом вспомнил его пьесу «Женитьба» и терзания главной героини, желавшей приставить нос одного своего кавалера на лицо другого. Но Гриша классику не знал, чувством юмора не обладал и мучился от казавшейся безысходной ситуации»* (Д.Донцова. Камасутра для Микки-Мауса).

Характеризуя особенности современного языкового существования, речевое поведение современника, Б.М.Гаспаров пишет: *«Наш язык представляется мне гигантским мнемоническим конгломератом, не имеющим единого строения, неопределенным по своим очертаниям, которые к тому же*

находятся в состоянии постоянного движения и изменения. Он вмещает в себя неопределенно большое – принципиально неперечислимое – количество разнородных «кусков» предыдущего языкового опыта, имеющих самую разную форму и объем. <...> Наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти»⁸.

Интертекстуальность, являющаяся одной из наиболее заметных характеристик современной литературы, своеобразно воплощается в текстах массовой литературы. Любой текст отражает разнообразные внешние влияния: цитаты, аллюзии, использование чужих слов, включение элементов персониферы (Хазагеров). Особенности мировосприятия и самоощущения современного человека, проблема историко-культурной памяти связываются с «постмодернистской чувствительностью» (Р.Барт) и литературы, и языковой личности.

Важно учитывать, что интертекстуальность массовой литературы распространяется в большом количестве случаев на широкий контекст массовой культуры. Так, например, героиня А.Марининой Настя Каменская поправляет коллегу, перепутавшего прозвище начальника: *«Он не Мухомор, а Никотин, балда. Мухомор – это у «Ментов»»* (А.Маринина. Воюющие псы одиночества), отсылая скорее не столько к детективам А.Кивинова, сколько к телевизионному сериалу.

Интертекстуальность массовой литературы апеллирует к культурной памяти усредненного читателя, к культурному полю, связанному, как уже отмечалось выше, прежде всего с кинематографом и телевидением, с общеизвестными литературными текстами.

В ироническом детективе игра с прецедентными текстами, рассчитанная на более искушенного читателя, становится тем вторым планом, который отражает авторское представление о разных типах читателя, об их культурной памяти и возможности воспринять подтекстовую информацию:

«На круглом столе высился двухкилограммовый торт, вернее, то, что от него осталось.

– Дары данайцев? – спросила я, ткнув пальцем в бисквитно-кремовые руины. – Борзой щенок от кого?

– Что? – не поняла Галя.

Девушка не только не знала легенды и мифы Древней Греции, она даже не читала Гоголя. Пришлось спросить о том же, но попроще (Д.Донцова. Три мешка хитростей).

Цитация в широком смысле слова связывается и с включением в текст разнообразных элементов чужого речевого опыта. Так, объектом рефлексии в женских романах нередко становятся язык, речевое поведение, конкретный лексический выбор, позволяющий судить об особенностях личности, представления о речевом идеале, весьма причудливые у некоторых авторов. В качестве примера наивной языковой рефлексии, примитивных представлений о речи и разных типах языковых личностей можно привести следующий текстовый фрагмент: *«С Верой ее связывала особая дружба. Обе из райцентров, они представляли противоположность стремлений и порывов. Асе импонировали интеллигентность, тихий правильный выговор, красивые литературные обороты речи, сдержанность манер. Вера, подбоченившись, выпятив роскошную грудь, величаво именовала себя «селянкой в опере». Словно напоказ выставляла она сомнительно-деревенское происхождение. Работая наборщицей в*

типографии, отлично зная русский и украинский языки, она непременно смешивала их воедино при разговоре, не чуралась крепких выражений и яростно жестикулировала при этом. Для нее не существовали мужчины и женщины – только мужики и бабы, девки и пацаны. После длительного общения с подругой Ася долго еще следила за своей речью, старательно избавляясь от перенятых рабоче-крестьянских словечек, не украшающих лексикон административного работника-интеллигента» (О.Сакредова. Тариф на любовь).

Очевидно, что произведения массовой литературой никогда не станут «текстами влияния», вступающими в резонанс с читателем и порождающими новые метатексты. В них может, как было показано, наивно и примитивно использоваться цитаты, образы, темы «высокой» литературы, но сами тексты массовой литературы конечны и сиюминутны, на их примере можно говорить не только о «смерти автора», но и о «смерти интертекста».

Особенностью массового читателя становится то, что он не только отвыкает от отвлеченных умственных усилий, но и часто предпочитает иллюзии – действительности, правда ему фактически безразлична, особенно если она ему неудобна и разрушает состояние спокойного полусна, в котором он пребывает. Такое состояние представитель американской трансперсональной психологии Ч.Тарт называет еще согласованным (координированным) трансом, считая это разновидностью измененного состояния. Правда, авторы массовой литературы, значение своих книг оценивают высоко. Так, героиня Т.Устиновой, например, *«уверена, что вовсе не красота, а именно книжки спасут мир, и если приучить людей читать – хоть детективы! – они и привыкнут потихоньку, и втянутся, а потом уже и прожить без книжек не смогут, а ведь только это и надо, потому что в книжках все есть, ответы на самые трудные вопросы и решения самых запутанных задач, на все времена!» (Т.Устинова. Саквояж со светлым будущим).*

В пьесе представителя «новой драмы» XXI в. О. Богаева «Мёртвые уши» «квартет русских классиков» (как заявлено в начале пьесы) – Пушкин, Гоголь, Толстой и Чехов – пытаются найти читателя, который бы пришел в библиотеку и тем самым спас бы их от забвения. Настоящего читателя так и не удается найти (показательна реплика Толстого: *«В большом пятимиллионном городе читают книги два человека ... Да и те, один – по слогам, другой – по буквам ...Тьма Египетская! Плебейство! Зато все писатели ... Пять миллионов. Зачем столько?!»*). Финал этой комедии по-чеховски печален: *«Книги набухают, как дрожжевое тесто. Гром. Это не склад боеприпасов – книги разрываются огнем одна за другой. Огонь кружит по комнате. За окном падает черный снег или это типографский наборщик пошутил с крыши? В пламени скачет медный всадник, шинель размахивает пустыми рукавами, детство–отрочество–юность стоят, прижавшись друг к другу, горящая чайка бьётся в окно»*. В конце XX века стал практически исчезать тип талантливого «читателя-перечитывателя» (В.Набоков), на смену которому пришел «массовый читатель», «глотатель пустот» (М.Цветаева).

Массовая литература заменяет истинную картину мира его упрощенными схемами, фиксирующими беспомощность человека, его тревожность, растерянность перед решением проблем современного мира. Этой растерянностью во многом объясняется и инфантильность массового читателя начала XXI века, которому требуется особая система средств по смысловой адаптации, «переводу» транслируемой информации с языка высокого искусства на уровень обыденного понимания.

Если такого рода адаптация всегда требовалась детям, когда «взрослые» смыслы переводились на язык сказок, притч, занимательных историй, упрощенных примеров, более доступных для детского сознания, то в конце XX века подобная интерпретативная практика стала необходимой для человека на протяжении всей его жизни.

Известному филологу М.В.Панову принадлежит очень верная эстетическая теорема: «Писателя судят по «верхам», а читателя – по «низам». То есть поэта или прозаика следует оценивать по его сильнейшим, «предельным» творениям – даже если он деградировал, исписался и т.д., а вкус читателя (в том числе – критика) оценивается по нижней точке его эстетического диапазона: если, скажем, человек с равным удовольствием читает и Булгакова, и Маринину, то индикатором его читательского уровня, увы, будет Маринина»⁹. Этот максималистский постулат М.В.Панова для каждого равнодушного к художественному слову человека может служить безошибочным вектором эстетического постижения литературы и постоянного совершенствования собственного вкуса.

Действительно, читатель массовой литературы «играет на понижение», от него не требуется эстетического восприятия текста. В релятивистском отношении массовой литературы к «легитимной» (по П.Бурдьё) культуре, в вытеснении классики на культурную периферию, в бесконечных пересказах, упрощениях, примитивизации, наивном использовании интертекстуальных маркеров обнаруживаются черты современной литературной ситуации, порождающей особый тип «наивного читателя» и уводящей этого читателя от реальности. Так создается новый альтернативный учебник языка, литературы, жизни.

---

¹ Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. – М., 2001, с.34.

² Гессе Г. Пять эссе о книгах и читателях // Иностранная литература. 2004. №10

³ Зоркая Нат. Чтение в контексте массовых коммуникаций // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 2 (64)

⁴ Фрай М. Идеальный роман. – СПб., 1999 с.6.

⁵ Чхартишвили Г. Девальвация вымысла: почему никто не хочет читать романы // Литературная газета. 1998. № 39

⁶ Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. – М., 1998, с.72

⁷ Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. – М., 1968, с.119

⁸ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996, с.13

⁹ Жизнь языка. Сборник к 80-летию М.В.Панова – М., 2001, с.362.